

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.1

EDN: BDFEQX

Е.А. ПОПОВ¹

¹ Алтайский государственный университет.
656049, Барнаул, Димитрова ул., д. 66.

ПОИСК ОСНОВАНИЙ СОЦИОЛОГИИ СТРАДАНИЙ: МЕЖДУ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМ И СОЦИАЛЬНЫМ ОПЫТОМ

Аннотация. Социология страданий является отраслью социологического знания, которая активно развивается в течение последнего времени. Возникает сложность с концептуализацией проблематики и объектно-предметного поля социологии страданий. Настоящая статья ставит цель проанализировать особенности поиска оснований отраслевой социологии, выявить ее теоретическую и методологическую ориентацию, определить ключевые направления в научном дискурсе, затронуть историческую канву развития. Поиск оснований социологии страданий ведется не в формате «страх — боль — страдание», являющемся традиционным для социального знания, рассматривающего страдание более предметно, а в аспекте соотношения экзистенциального и социального опыта индивида. В статье показано, что именно через дифференциацию двух типов человеческого опыта возможно более системное осмысление феномена страданий. При этом экзистенциальный опыт идентифицирован как состояние переживания бытия, сопряженного с внутренним конфликтом индивида, его нравственным выбором. В то же время социальный опыт обозначен как общее дело, а феномен коллективного страдания соотнесен с отчуждением индивидов или их общностей и групп от общего дела. В ходе обсуждения проблемы ставился вопрос о необходимости объективации страдания как социального феномена, а не только как индивидуального, переживаемого в виде экзистенции. Основной вывод статьи заключается в том, что поиск оснований социологии страданий должен вестись на уровне одновременного оценивания роли экзистенциального и социального опыта в возникновении и закреплении страданий в человеческом индивидуальном и коллективном бытии. Акцент только на экзистенции может увести социологию в метафизику или психологию. В то же время систематизация только социального опыта в рамках социологии страданий способна свести социальный опыт к формально накопленному, а сами страдания —

к «закрепленным» за общностями и группами. Таким образом, в статье признается необходимость при концептуализации социологии страданий учитывать экзистенциальный и социальный опыт.

Ключевые слова: страдание; социология страданий; коллективное страдание; социальный опыт; экзистенциальный опыт.

Для цитирования: Попов Е.А. Поиск оснований социологии страданий: между экзистенциальным и социальным опытом // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 1. С. 8–25. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.1 EDN: BDFEQX

Введение

Страдание является объектом социологического исследования на протяжении более века. В течение этого времени акценты в изучении указанного явления заметно изменялись, более выраженными были социально-антропологический и медицинский ракурсы, но с обретением социологией страданий своего объектно-предметного поля направленность исследований данного явления стала иметь более определенный характер. Отраслевая социология не могла стоять в стороне от дискуссий по поводу содержания самого понятия страдания, часто идентифицируемого через смысловую триаду: «страх — боль — страдание» [11, р. 23]. Такая дискуссия вовлекала большое число представителей различных научных областей, прежде всего психологии и медицинской антропологии: в их ключе страдание рассматривалось как состояние индивида, представляющее собой реакцию на какой-либо существенный атрибутивный раздражитель (триггер) [27, р. 231]. Первоначально социологам достаточно сложно было преодолеть такую узкую трактовку страдания, приходилось, по сути, мириться с тем, что страдание является лишь своего рода «приложением к психике». По выражению Эммануэля Левинаса, в таком случае «страдание становится бесполезным — измерять его искажением черт характера отдельно взятого индивида совсем не безопасно: речь может идти вовсе не о страдании, а о боли или конкретном психическом расстройстве» [23, р. 60]. Примерно в этом же ключе рассуждают и другие авторы, которые понимают, что сведение страдания только к психическим реакциям не решает проблему, например, коллективного страдания, распространившегося в обществе или социуме, или страдания как ответа на вызовы современности с проявленными в ней социальными мотивами катастрофизации и кризисности бытия. По этому поводу В. Дэс, А. Клейнман и другие авторы отмечают, что страдание «выходит из головы человека» в социальный мир, и «в этой реальности расстановка сил меняется существенным образом, приходится иметь в виду распространившееся в обществе страдание, не знающее границ» [15, р. 35]. В то же время дискурс власти в рамках исследования социальных

ориентиров страдания также должен быть оценен на междисциплинарном уровне и в предметном поле социологии страданий. На этот момент, в частности, обращает внимание К.Г. Фрумкин: «...огромное значение страданий в социальной жизни объясняется даже не тем, что причинение страданий является инструментом власти и социального взаимодействия, но тем, что страдания маркируют требующие изменений проблемные зоны» [9, с. 73].

«Власть и страдание» становится постоянным трендом научных изысканий в течение всего периода становления и развития социологии страданий [22; 28; 30; 32; 36 и др.], однако еще более прочным основанием накопления теоретического и практического материала для отраслевой социологии стала проблематика страха и боли, которая активно обсуждалась на уровне этической и медикалистской рецепции. К слову сказать, между представителями медицинской антропологии и социологии страданий к концу XX в. разгорелся серьезный научный спор по поводу двух вопросов: 1) что «важнее» для исследования: страх, боль или страдание? 2) кто является причинителем указанных состояний или событий?

Обсуждение первого вопроса закономерно привело к акцентированию темы страдания в соответствующей отрасли социологического знания и отсутствию консенсуса между учеными, представляющими разные научные области. Так, например, французский социолог Люк Болтански посчитал необходимым разграничить исследуемые феномены следующим образом: «боль или страх мы часто не видим — они коренятся внутри индивида, скрываются за его поведением, особенностями характера, иногда его взглядами, страдание же сразу становится общественным, и мы его наблюдаем невооруженным взором» [11, р. 57]. Такой ракурс предполагает дифференциацию боли и страха как личностных свойств, а страдания — исключительно как социального феномена. Очевидно, что Болтански исходил из предпочтительных возможностей социологии страданий исследовать свой непосредственный объект в масштабе коллективного опыта, опуская при этом личностные особенности «переживания бытия», к которым «социологам не всегда удастся подступиться, когда речь идет о страдании» [11, р. 57]. По сути, Болтански, не касаясь непосредственно идеи о соотношении экзистенциального и социального опыта в рамках отраслевой социологии, предопределяет заостренность социологии именно на коллективном опыте страданий. Между тем в медицинской антропологии упор сделан на рецепцию страха: «Страх более всего порождает традиции и нормы бытия, они пронизывают социальную реальность и формируют устойчивые связи в отличие от страдания, которое то прибывает, то убывает» [17]. Чуть ранее по времени В. Дэс заявил о том, что «важное значение имеет фиксация страха, а через его семантику становится видна ключевая особенность этноса бояться

чего-либо или не бояться ничего вовсе» [14, р. 33]. Его идею поддержал Ф. Фюрэди [19]. Отметим также, что тематика социальной боли стала трендом исследований в русле медицинской антропологии и социологии уже в начале текущего столетия. Сьюзан Зонтаг и другие авторы добились заметного прогресса в ее изучении [26; 35; 38]. В то же время в русле социологии страданий социальная боль идентифицируется как «ответная реакция на социальное зло» [33, р. 112]. Тема сближения социального зла и страданий обсуждалась, как известно, Э. Дюркгеймом [8]; страдание и боль признавались неотъемлемой частью социальной жизни и в таком качестве идентифицировались как нормальные общественные явления. Стоит отметить, что «ответ на социальное зло» с точки зрения социологии страданий — это почти всегда «сложный опыт переживания реальности, который вовлекает в себя каждого индивида и каждый социум» [33, р. 113]. И зло, и страдания в таком случае «идут рядом», становясь частью социальной реальности и ответствующего опыта «переживания бытия».

Следует подчеркнуть, что в отличие от философской рецепции, акцентированной на выявлении онтологической возможности экзистенции страданий [1; 2, с. 264–265], медицинская антропология направлена на объективацию страданий через оценку роли конкретного индивидуального и коллективного опыта в «переживании бытия».

Между тем вопрос о причинителях страданий, страха и боли также не привел к общему содержательному знаменателю в дискуссии социологов и медантропологов. Более подробно этот вопрос затрагивался в ряде авторских статей [6; 7], в которых установлено, что в основе субъектности страдания лежат три предела, провоцирующих возникновение рассматриваемого явления, — боль, опасность и социальный риск, а эмпирические данные позволили определить круг некоторых субъектов страдания, исходящего, например, от «боли причинения»: преступники, расисты, безбожники, коррупционеры, моралисты и т. д. Развернувшийся спор о причинах и причинителях страданий обращает внимание прежде всего тем обстоятельством, что и социологи, и антропологи приблизились к идентификации человеческого страдания через его индивидуальный или социальный опыт, связанный с переживанием бытия и вживанием в социальную реальность. Оценка этого опыта стала одной из целей современной социологии страданий, и эта цель появилась во многом из-за продолжительного «согласования» научных интересов социологов и представителей медицинской антропологии. Изначально же — на раннем этапе концептуализации отраслевой социологии — ее ключевой целью, по словам Ж. Олверы, было «погружение в ценностные структуры настолько, чтобы понять: любой социальный фон создает подлинное страдание или его иллюзии, но и они серьезным образом сказываются на каждом члене общества» [29, р. 59]. Вплоть до конца XX в. для социологии страданий ее исследователь-

ским полем являлись экзистенциальные основы бытия, и они же рассматривались в качестве основ «развертывания» страданий — в этом социологи получали мощную интенцию от философов (см.: [31]). Преимуществом такого подхода считалась возможность определять границы индивидуального человеческого страдания, а коллективное страдание трактовать с точки зрения «наивысшей степени страданий, которые уже не могут оставаться внутри отдельного субъекта и передаются общности, группе или социуму» [16, р. 292]. По-видимому, для такого исследовательского опыта более подходящим форматом становилась именно экзистенциальная социология страданий.

Между тем на современном этапе развития отраслевой социологии ее связь с медициной и психологией проявляется уже не так отчетливо, как это было ранее; но все же смысловая триада «страх — боль — страдание» по-прежнему актуализирует соответствующий поиск исследователей в установлении точек сопряженности данных феноменов. В настоящей статье детально не рассматривается данный вопрос, хотя он, бесспорно, важен для осмысления сути страдания, поскольку его идентификация лежит в том числе в плоскости интериоризации бытия, проявляющегося в накоплении и транслировании социального опыта и социальных образцов между индивидами и от одного поколения к другому.

Основной проблемой исследования видится оценка значимости «переключения» социологии страданий с одного предмета исследования — существующего экзистенциального опыта как отношения к страху, боли и страданию и как состояния переживания бытия в условиях добра/зла, справедливости/несправедливости, безопасности/риска и т. д. — на другой предмет — социальный опыт. Подчеркнем, что актуальность такого ракурса вызвана необходимостью пересмотреть доминирующую политизацию темы коллективного страдания, которая к тому же многократно масштабируется в силу протекающих в мире международных политических событий. Конечно, полностью преодолеть политизацию вряд ли возможно, вместе с тем социальный опыт и межпоколенная трансляция социальных образцов не сводятся к одной только политической стороне человеческого индивидуального и коллективного бытия.

В статье сначала в рамках отраслевой социологии будет дана оценка роли экзистенциального опыта в кумуляции страданий, затем внимание сосредоточится на социальном опыте, являющемся основой для возникновения коллективных страданий. В конечном итоге, будет предпринята попытка выявления исследовательского потенциала социологии страданий с учетом того или иного типа человеческого опыта.

«Переживание бытия» и ценность экзистенциального опыта

Объектно-предметное пространство и направление концептуализации социологии страданий задала в свое время известная книга

немецкого невропатолога Франца Карла Мюллера-Лиера «Социология страданий» (1925) [5]. Конечно, в чистом виде идеи ученого имеют выход на междисциплинарный уровень рефлексии. Социологическая канва исследования здесь представлена как достаточно широко, иногда в позитивистском ключе и с позиции соотношения теории и практики, так и сравнительно узко — в аспекте сопряженности социального знания с медицинским. Книга открывается, по сути, манифестом всего труда Мюллера-Лиера: «Бездна, безмолвно поглощающая тысячи жизней, скрытые яды, доводящие личность до вырождения, до убожества и угасания, при насмешках безрассудных зрителей, подводные камни, о которые столько жизней терпят крушение или от которых получают навсегда неизлечимые раны, — все это зло» [5, с. 23]. Предложенная метафорическая декларация тем не менее позволила исследователю идентифицировать страдание через призму «социологической патологии». Страдания он называет явлениями социологическими, при этом высказывает уверенность в следующей идее: «...открытие, что почти все страдания индивидуума, поскольку они не порождены естественными катастрофами, — следствия социальных болезней, принадлежит к величайшим открытиям социологии» [5, с. 29]. Приводя здесь выдержки из его «Социологии страданий», мы обуславливаем его внимание к «социологической патологии» и собственно к феномену страданий (именно так: во множественном числе, ведь страдание может быть как индивидуальным, так и коллективным) одним важным экзистенциальным обстоятельством — «переживанием бытия», которое предзадано для человека самой природой и параметры которого могут многократно изменяться в силу различных внешних обстоятельств, индивидуальных особенностей человека и т. д.

Предложенный подход отчасти предопределил тональность дальнейшего развития отраслевой социологии: точкой отсчета в поиске экзистенциальных основ бытия и для их социологической объективации более подходящим инструментарием оказалась триада «страх — боль — страдание». Следует подчеркнуть: повышенное внимание к экзистенциализму несколько переориентировало социологию на исследование особенностей индивидуального страдания, проявляющегося в том, что «с одной стороны, индивид слабо распознает добро и зло, а с другой — он остро чувствует несправедливость бытия, и поэтому его страдание — это лишь градиент его личностного опыта или переживания» [18, р. 99].

Когда речь идет об экзистенциальном опыте, мы прежде всего «погружаемся» во внутренний мир человека. Возникает очень важный вопрос о том, что на уровне экзистенциального опыта может быть противопоставлено страданию или, напротив, какая экзистенция «перекрывает» страдания. Полагаем, что с этой точки зрения можно сгруппировать исследования, раскрывающие возможности «сопряженности» экзистенций и страданий:

а) страдание как отклик на свободу/несвободу; при этом свобода, как известно, является одним из ключевых элементов экзистенции и предметной областью экзистенциальной философии (Н.А. Бердяев, А. Камю, Г. Марсель и др.). Так, австрийский исследователь Альфред Лэнгле очень точно выразил экзистенциальную суть страдания индивида: «Страдание — это... потеря возможности подняться над условиями жизни и находиться в пространстве свободы» [4, с. 26]. Экзистенция свободы — суть бытия, переживание которого (ответы-на-вызовы реальности) порождает страдания. В отраслевой социологии такой подход эксплицируется через определение границ свободы/несвободы и их соотнесение с другими маркерами бытия: добром/злом, силой/слабостью и т. д. [16, р. 292; 25, р. 67–70; 33, р. 105 и др.];

б) страдание как составляющая духовных исканий человека; при этом обнаруживаются два фактора «проявленности» страданий: сами по себе напряженные духовные искания (правды, справедливости, счастья) могут порождать страдания, в то же время они способны снижать градус страданий посредством включенности человека в мир культуры, искусства, науки. Так, например, социологи предметно исследуют сферы искусства, права, морали, устанавливая и подтверждая тот факт, что чем больше индивид погружается или даже «растворяется» в них, тем меньшее страдание он может испытывать (см.: [39, р. 77–94]). Однако есть примеры и другой последовательности. Известный социолог, профессор Кентского университета Иэн Уилкинсон, занимающийся проблематикой страданий, уверен, что религия, безусловно, дает человеку надежду и духовное прозрение, но само по себе религиозно-мифологическое мышление вызывает еще большее страдание, потому что субъект «не видит границ веры в Бога, а вместе с этим и пределов реальности; поэтому часто, подменяя одно другим, оказывается в сложной ситуации духовного выбора» [43, р. 430]. С другой стороны, духовные искания могут быть соотнесены с духовными потребностями индивида — возникает «духовный опыт» как особый тип опыта, способный привести к страданиям. Так, например, шведские авторы Л. Скяр и С. Содерберг высказывают мнение о том, что «страдание всегда есть духовный опыт человека», а следовательно, «социологи могут через оценку духовного мира человека, состоятельности его духовных потребностей диагностировать соответствующее экзистенциальное основание страданий» [34, р. 1044]. В таком случае, по-видимому, можно утверждать совпадение экзистенциального и духовного опыта в некоей условной «точке» страданий;

с) страдание как акт целеполагания; экзистенция целеполагания определяет достижимость определенной цели любым способом — через страдания индивид способен манипулировать другими людьми, объяснять принятие тех или иных ответственных решений через глубину страданий, подводить основание под собственный морально-нрав-

ственный выбор и т. д. С точки зрения отраслевой социологии «цель страдать — это свойство любого индивида, однако, если страдание обретает форму целеполагания, тогда индивид может выйти за любые рамки дозволенного» [25, р. 99]. В таком случае идентификация экзистенциального опыта как «опыта целеполагания» вполне вписывается в картину социологических исследований. Так, например, З. Чен и соавторы сопоставляют цели бытия для людей среднего возраста с качественным снижением/увеличением градуса страданий в рутинной повседневной жизни и в краткосрочной перспективе [12].

Приведенные обобщения свидетельствуют о необходимости учитывать значения «переживания бытия» не только для глубины постижения экзистенциального опыта, но и для определения специфики страданий, с ним связанных. Между тем следует назвать еще одну причину, по которой внимание социологов не обошло тему индивидуального страдания, — это возможность оценки персонализации данного состояния в зависимости от его сопряженности с той или иной формой экзистенции. Социологи давно ставят вопрос о «количестве» страданий, выясняя, кто же на самом деле страдает больше: политик, ученый, почтальон, врач и т. д., если речь идет, к примеру, о социально-профессиональной принадлежности [41], беженцы или бипатриды [37] и т. д. Но «количество» страданий, как полагает П. Гордон, вполне может зависеть и от уровня переживания бытия: «духовные искания человека — это не только онтос, это связь страданий: все время находящийся в поиске самого себя, своей духовной гармонии с миром, природой, самим собой и обществом создан страдать в течение всей жизни» [20, р. 131]. В конечном итоге персонификация страданий в русле социологического знания позволяет исследователям в значительной степени дифференцировать данное явление, а значит, определить его бытийную окраску и не возводить в ранг типичного для повседневной жизни индивида состояния.

Особое значение экзистенциальному опыту в идентификации страданий придавал социолог И. Уилкинсон. В ряде своих работ он указывал на необходимость не столько оценивать «проявленность» страданий в конкретных делах и поступках индивидов, сколько исходить из возможности «духовного осмысления мира» субъектами. Для этого он, в частности, предлагал в качестве показателей «переживания бытия» рассматривать отклик субъектов на ту или иную информацию о событиях в политике, социальной и экономической сферах, а также формирующиеся индивидуальные индексы религиозности, толерантности, самоидентичности, качества жизни и т. д. [43, р. 436–439]. Эти показатели, как известно, являются традиционными в исследованиях социологов, но Уилкинсон обращает внимание на одну деталь: «все эти индексы берутся в расчет в разрезе социума, когда “мышление со страданием” никак не идентифицируемо, но в отношении отдельно

взятого индивида мы способны увидеть всю стихию духовного осмысления мира и, таким образом, объективировать страдание» [43, р. 424]. В одной из статей исследователь уточняет свою позицию: «Я воздержусь от расчета индекса страдания — он явно неуместен, когда речь идет о глубине осознания происходящих в мире событий и духовно-осмысленной реакции на них, но в любом случае необходимо знать, что есть экзистенция страдания, пока не покорившаяся социологии» [40, р. 67]. По-видимому, «не покорившаяся социологии» — не совсем справедливое утверждение, некоторые социологи, напротив, считают, что границы страдания невозможно в полной мере установить вне экзистенциального контекста человеческого бытия.

Между тем в понимании И. Уилкинсона экзистенциальный опыт есть «такое переживание бытия, когда индивид устанавливает прочный или пока еще довольно слабый контакт с окружающей реальностью, который в дальнейшем становится основой для осмысления этой реальности» [42, р. 122]. Можно предположить, что страдание разовьется в равной степени с установлением и прочного («...бытие предопределяет страдание, если его онтосы прочно включены в жизнь индивида — ему не остается ничего другого, как признать неизбежность рока, провидения, добра или зла и т. д., поэтому страдание возрастает» [42, р. 127]), и слабого контактов с действительностью. В последнем случае, как отмечает Уилкинсон, «переживание бытия индивидом вполне может способствовать возникновению социальных реакций протеста, противоправному поведению или конфликтам» [42, р. 128]. Резонно усомниться в релевантности применения смысловой конструкции «переживание бытия» в рамках социологии страданий. Действительно, само по себе это понятие, скорее, должно быть отрефлексировано с точки зрения онтологии, психологии восприятия. В то же время И. Уилкинсон уверен, что экзистенциальный опыт человека — это прекрасная возможность для социологии рассматривать «уникальный мир страдания» каждого отдельно взятого субъекта: «...во всех иных случаях социология столкнется с необходимостью обращаться к коллективному разуму или общественному мнению — страдание сложно уловить в массовом порядке, оно ускользает, растворяется в повседневности, в человеческих делах и поступках; совсем другое, если узнать, как и почему страдает каждый конкретный человек, и уже на основании полученного материала определить типичные условия для таких состояний» [42, р. 134].

Разумеется, в современной социологии страданий внимание к коллективному страданию, а не к экзистенциальному (или персональному) вполне закономерно. Более того, оно оправдано с точки зрения имеющейся важной методологической установки, отмеченной еще Ф.К. Мюллером-Лиером: страдание следует обнаруживать на «дистанции человека и социума, а никак иначе» [5, с. 44]. Другое дело, что разделение дистанции определяет границы экзистенциального опыта,

лежащего в основе страданий, а ее сокращение может указывать на социальный опыт, и в таком случае ракурс исследований страданий обретает выраженную социологическую направленность. Взгляды Уилкинсона разделяют некоторые другие ученые, но для них важнее показать, как происходит сокращение или, напротив, увеличение дистанции между обществом и индивидом, в результате чего степень страданий и их проявленность в поведении людей становятся более обозримыми для последующих социологических обобщений. Некоторые исследователи все время возвращаются к триаде «страх – боль – страдание», полагая, что в ней кроется ответ на вопрос, как дистанция между социумом и человеком, увеличиваясь, провоцирует страдание, но, сокращаясь, тем не менее к облегчению не приводит, а усугубляет боль и страх [22; 24, р. 201–205]. Другие авторы рассматривают уменьшение дистанции между индивидом и обществом как показатель способности последнего преодолевать последствия страданий. Самому индивиду не так просто это сделать, поэтому на «сокращенной дистанции» — «ближе к обществу» равновесие во внутреннем мире субъекта возрастает [27, р. 231]. Как видим, социологи-экзистенциалисты склонны идентифицировать страдание и как внутреннюю потребность человека, и как такое его состояние, которое отражает глубину противоречий индивида на дистанции с социумом, и т. д. По сути, трендом экзистенциального направления социологии страданий становится «вина» самого индивида за свое состояние: в одном случае страдание возникает в мышлении и прочно закрепляется в человеческом бытии, при другом стечении обстоятельств индивид не способен предпринять усилия для различения добра и зла и сделать необходимый морально-нравственный выбор и т. д. Поиск оснований борьбы человека с самим собой и возникающие при этом страдания составляют его экзистенциальный опыт, ценность которого для отраслевой социологии заключается прежде всего в возможности персонализировать страдание, представить его как ценностно-смысловую систему, соотносимую с частной жизнью, с внутренним миром субъекта. Вместе с тем человек и общество в течение длительного времени накапливают экзистенциальный и социальный опыт, и квинтэссенцией этого опыта может стать страдание как «переживание бытия» и «вживания» индивида в общественные процессы, принятие/непринятие социальных изменений.

Духовный мир человека настолько богат, что в нем зарождается и разворачивается экзистенциальный и духовный опыт, а следовательно, возникают страдания как отклик на реальность, «подготовленный» этим опытом. Возникает проблема индивидуализации страданий. В настоящей статье она не развивается, однако следует отметить, что достижением социологии страданий на современном этапе ее развития становится обращение не только к «патологии» страданий, но и к их достаточно мощной подпитке со стороны духовного бытия, социокультурных процессов, морально-нравственных исканий человека и т. д.

Социальный опыт: сокращение дистанции

С точки зрения К.Г. Фрумкина, «что означает уменьшение силы и частоты страданий для общества, пока не понимает никто» [9, с. 73]. Действительно, важным в поиске оснований социологии страданий остается вопрос о «количестве»: сколько именно страданий способен выдержать человек? Исследования на этот счет не дают однозначного ответа: человек выдерживает и много страданий, и мало. Так, еще в 1968 г. известный социолог Алвин Гоулднер в статье «Социолог как партизан» (“The Sociologist as Partisan”) подчеркивал, что, по итогам многолетних опросов американцев, степень их страданий от года к году изменяется, но в среднем приближается к 8,1 балла, что «чрезвычайно много для процветающего общества США» [21, р. 110]. Гоулднер склонен видеть причиной этого накопление «остро социального опыта» в результате не всегда успешной борьбы человека в американском обществе за свои права и свободы [21, р. 111]. В то же время, например, Л. Болтански приводит противоположные данные по результатам многоцентровых эмпирических исследований (1985–1998 гг.) на тему коллективного страдания. По его мнению, коллективное страдание распространяется лишь «горизонтально», то есть имеет дискретный характер и не всегда привязано к конкретным проблемам политики, экономики, социальной сферы. Когда респондента спрашивали, страдает ли он именно сейчас, в данный момент времени, чаще всего он отвечал отрицательно, но на другой вопрос — будете ли вы страдать в какое-то другое время? — следовал уже положительный ответ. Ученый делает вывод: индивид страдает нечасто, избирательно и ситуативно [11, р. 152–155]. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что социологи стремятся выразить коллективное страдание как сумму страданий персонализированных, субъектных. «Суммативное» страдание, однако, не является социальным по своей сути, оно лишь формируется как реакция на события окружающей социальной реальности, но переживание бытия при этом уходит на второй план; оно, в отличие от реакции на события, более продолжительно по времени и часто с неизвестным результатом. По словам К. Льюиса, «страдание, и заблуждение, и грех могут повторяться, если повторилась причина (для греха — искушение, для ошибки — усталость или что-нибудь еще, хотя бы опечатка, для страдания — болезнь или чья-нибудь злая воля). Но страдание не плодится, не порождает зла. Если оно прошло — оно прошло и сменилось облегчением» [3, с. 421]. По-видимому, субъектное страдание остается с человеком навсегда, потому что он совершает ошибки, грехи, выбирает все время между добром и злом — эти состояния способствуют переживанию бытия. Другое дело коллективное (межсубъектное) страдание — в его основании лежит социальный опыт, который идентифицирует вызов-и-ответную реакцию. Вызов — это риск, угроза, опасность, «страдание может корениться в том, что

что-то представляет угрозу для собственного бытия в мире» [4, с. 29]. Ответ — погружение человека в состояние страданий. С учетом этих особенностей далее в составленной нами таблице приведены некоторые возможности соотношения индивидуального и коллективного страдания с позиции социологического знания. Содержащиеся в ней сведения позволят не только уточнить конкретный инструментарий для эмпирических исследований страданий по ряду критериев, но и обнаружить некоторые значимые отличия в трактовке индивидуального/коллективного страдания, что также может иметь значение для концептуализации соответствующей отраслевой социологии, в том числе на междисциплинарном уровне.

Таблица

**Соотношение индивидуального и коллективного страдания
в аспекте социологии страданий**

Критерии	Индивидуальное страдание	Коллективное страдание
Опытное начало	Экзистенциальный опыт	Социальный опыт
Объективация	Переживание бытия	Реакция на риск, опасность, угрозу
Конечное действие	Внутренний конфликт, нравственный выбор	Поиск выхода, преодоление
Событие	Не событийно	Событийно
Исследование	Социология + психология + этика	Социология

В социологии страданий социальный опыт идентифицируется в двух направлениях: 1) как передача другим поколениям социальных образцов, несущих информацию о рисках, угрозах и опасностях [13, р. 77]; 2) как фактор консолидации общества, в условиях которого «индивид способен сократить свои внутренние страдания и переживания бытия и направить свою силу и волю на общее дело — для преодоления значимых социальных проблем» [25, р. 113]. И если экзистенциальный опыт в социологии объективируется преимущественно на уровне формирующихся ценностных структур и поведенческих реакций индивида с определением градиента его «подчинения» новым условиям бытия, то социальный опыт — это путь индивида к социуму. При этом коллективное страдание — это реакция на риск, угрозу, опасность, исходящие из самих общественных отношений, затрагивающих каждого индивида не в отдельности, а в их единстве. Пожалуй, более точным в выявлении сути социального опыта оказался американский историк философии Питер Гордон, посчитавший, что главное в социальном опыте — это общее дело, которое должно быть понятно и целесообразно для индивидов [20, р. 139]. Эту идею поддержали и социологи.

Например, Т. Богуш назвала ряд важных «общих дел», которые составляют социальный опыт: сохранение традиционных ценностей и норм, обеспечение связи поколений и общинности, «непрерывность» справедливости, толерантность и др. [10, р. 112–114]. Стоит подчеркнуть, что коллективное страдание вызывает не сам социальный опыт, а отчужденность индивида от общего дела. Т. Богуш приводит данные проведенного немецкими учеными социологического исследования, целью которого было определение «дистанции индивида и социума» в так называемых общих делах. В течение 2021–2022 гг. были опрошены более 2 тыс. респондентов разного возраста, пола, рода занятий на предмет их участия в общих делах, а затем некоторые из участников приглашались в фокус-группы для выявления уровня коллективного страдания — «соответственности за общие дела или сопричастности к общему делу». Была выдвинута следующая гипотеза: градус коллективного страдания снижается пропорционально сокращению дистанции в совместной реализации общих дел. Как оказалось, показатель социального опыта заметно снижался и к концу исследования составлял 4,56 пункта из 10 максимальных (это объяснялось добавлением новых респондентов более молодого возраста в когорту испытуемых), в то же время градус коллективного страдания увеличивался примерно на 2,23 пункта от исходного [10, р. 116–125]. Разобщенность людей, их отчужденность, отстраненность от общих дел снижают уровень социального опыта, человек вновь погружается в индивидуальное «переживание бытия», характерное для экзистенциальной ситуации; во всех этих случаях страдание существенно возрастает.

Заключение

Для современной социологии страданий, безусловно, важна рецепция как экзистенциального, так и социального опыта индивидов. Она позволяет, во-первых, провести грань между индивидуальным и коллективным страданием; во-вторых, дать оценку степени «переживания бытия», способствующего усилению страданий; в-третьих, объективировать картину распространенности и причинности страданий. На протяжении прошедшего и текущего столетий социология страданий достигла своей оригинальной концептуализации и сформировала свое объектно-предметное поле, хотя это было сопряжено с определенными сложностями, например, с дискуссионностью самого понятия страданий: чаще всего оно попадало в зону внимания психологии (страдание как восприятие окружающей реальности, как переживание бытия, внутренний ценностно-смысловой диалог индивида с самим собой) и медицинской антропологии (страдание как реакция на боль или страх, формирующая определенный тип поведения и ценностные установки). Между тем закономерно, что дифференциация экзистенциального и социального опыта индивида приобрела в рамках

отраслевой социологии свое атрибутивное значение и стала основой для развития социологического знания:

1) с одной стороны, оценка экзистенциального опыта дает возможность социологии рассматривать страдания как личностно переживаемые, при этом главная сложность видится в вариации страданий в зависимости от личностных качеств человека, его морально-нравственного выбора, отношения к добру и злу, справедливости и несправедливости и т. д.; в таком случае социология может испытывать сложности в объективации экзистенциального опыта;

2) с другой стороны, обращаясь к социальному опыту, социология страданий обобщает на теоретическом и эмпирическом уровнях «накопление» страданий в зависимости от других обстоятельств — политических, экономических, правовых и др.; разумеется, здесь возникают риски сублимации страданий в зависимости от тех или иных показателей социального опыта, а личностные свойства могут уходить на второй план.

Указанные сложности ведут к необходимости поиска оснований социологии страданий между экзистенциальным и социальным опытом. Внимание со стороны социологов к страданиям, являющимся такой же частью и тканью социальной жизни, как, например, благополучие, счастье, позволяет определить, насколько страдания зависимы от конкретного опыта человека и в какой степени они, по сути, выступают отражением социальной реальности. Более практическая сторона вопроса — это возможность обнаружения способов минимизации последствий страданий как на уровне индивидуального опыта, так и в системе коллективных взаимодействий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Евгений Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет.

Телефон: +7 (3852) 296-608. **Электронная почта:** popov.eug@yandex.ru

---

Research Article

EVGENIYA A. POPOV¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russia.

66, Dimitrova str., 656049, Barnaul, Russian Federation.

SEARCHING FOR THE FOUNDATIONS OF SOCIOLOGY OF SUFFERING: BETWEEN EXISTENTIAL AND SOCIAL EXPERIENCE

Abstract. Sociology of suffering is a branch of sociological knowledge that has been actively developing as of recently. There are certain difficulties when it comes to conceptualizing the problematic and object-subject field of sociology of suffering. The aim of this article is to analyze the specifics pertaining to the search for the foundations of specialized

sociology, to identify its theoretical and methodological orientation, to identify the key focal points of scientific discourse, and to touch on the history of its development. The search for the foundations of sociology of suffering is conducted not in the format of “fear-pain-suffering”. The article shows that it is through differentiating between two types of human experience that a more systematic understanding of the phenomenon of suffering is possible. At the same time, social experience is highlighted as a common cause, and the phenomenon of collective suffering is correlated with the alienation of individuals or their communities and groups from the common cause. The main conclusion of the article is that the search for the foundations of sociology of suffering should be conducted at the level of simultaneous assessment of the role of existential and social experience in the emergence and consolidation of suffering in human individual and collective existence. Solely putting emphasis on existence can steer sociology towards metaphysics or psychology. On the other hand, the systematization of only social experience within the framework of sociology of suffering can reduce social experience to that which is formally accumulated, and suffering itself to such that is “attributed” to communities and groups.

Keywords: suffering; sociology of suffering; social suffering; social experience; existential experience.

For citation: Popov, E.A. Searching for the Foundations of the Sociology of Suffering: Between Existential and Social Experience. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 8–25. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.1.1

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy A. Popov — Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Department of Sociology and Conflictology, Altai State University.
Phone: +7 (3852) 296-609. **Email:** popov.eug@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Лебедев В.Ю., Федоров А.В.* Философия страдания и практика современной культуры // Вестник славянских культур. 2014. № 31. С. 48–58. EDN: RXWQPV
Lebedev V.Yu., Fedorov A.V. Philosophy of suffering and practice of modern culture. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2014. No. 31. P. 48–58.
2. *Лехцлер В.Л.* Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2007. — 332 с. EDN: QWPVNR
Lekhtsier V.L. *Fenomenologiya “pere”*: vvedenie v ekzistentsial’nyu analitiku perekhodnosti. [The Phenomenology of “trans-”: an introduction to the existential analysis of transitivity.] Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta publ., 2007. 332 p. (In Russ.)
3. *Льюис К.* Страдание // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. 1991. М.: Республика, 1992. С. 375–442.
Lewis K. Suffering. *Eticheskaya mysl’*: nauchno-publitsisticheskie chteniya. [Ethical thought: scientific and journalistic readings. 1991.] Moscow: Respublika publ., 1992. P. 375–442. (In Russ.)

4. Лэнгле А. Почему мы страдаем? Понимание, обхождение и обработка страдания с точки зрения экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. 2016. № 4 (24). С. 23–33. DOI: 10.11621/npj.2016.0403 EDN: VXLEWI
Lengle A. Why do we suffer? Understanding, treatment and processing of suffering in terms of existential analysis. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2016. No. 4 (24). P. 23–33. DOI: 10.11621/npj.2016.0403 (In Russ.)
5. Мюллер-Лиер Ф.К. Социология страданий. М.; Л.: Земля и Фабрика, 1925. — 269 с.
Myuller-Lier F.K. *Sotsiologiya stradanii*. [Sociology of suffering.] Moscow-Leningrad: Zemlya i Fabrika publ., 1925. 269 p. (In Russ.)
6. Попов Е.А. Потенциал современной зарубежной социологии в исследовании социального страдания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 3. С. 206–223. DOI: 10.21638/spbu12.2022.302 EDN: PQMKIS
Popov E.A. The potential of modern foreign sociology in the study of social suffering // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 206–223. DOI: 10.21638/spbu12.2022.302 (In Russ.)
7. Попов Е.А. Пределы человеческого страдания и его субъектность // Человек. 2022. Т. 33. Вып. 5. С. 7–25. DOI: 10.31857/S023620070022789-4 EDN: YENGYE
Popov E.A. The limits of human suffering and its subjectivity. *Chelovek*. 2022. Vol. 33. No. 5. P. 7–25. DOI: 10.31857/S023620070022789-4 (In Russ.)
8. Симонова О.А. Страдание и зло в социологии Эмиля Дюркгейма. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. М.: ИНИОН РАН, 2011. № 4. С. 63–88 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.02.2024. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17098060_47660806.pdf
Simonova O.A. Suffering, evil in Durkheimian sociology. (Summary abstract). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya*. [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology.] Moscow: INION RAN publ., 2011. No. 4. P. 63–88. Accessed 22.02.2024. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17098060_47660806.pdf (In Russ.)
9. Фрумкин К.Г. Проблема страданий как социального ориентира // Свободная мысль. 2018. № 5. С. 71–86. EDN: YTORCP
Frumkin K.G. The problem of suffering as a social reference point. *Svobodnaya mysl'*. 2018. No. 5. P. 71–86. (In Russ.)
10. Bogusz T. *Experimentalism and Sociology: From Crisis to Experience*. L.: Springer, 2022. 230 p. DOI: 10.1007/978-3-030-92478-2
11. Boltanski L. *Distant Suffering: Morality, Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 187 p. DOI: 10.1017/CBO9780511489402

12. Chen Z., Williams K.D., Fitness J., Newton N.C. When hurt will not heal: exploring the capacity to relive social and physical pain. *Psychological Science*. 2008. Vol. 19 (8). P. 789–795. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2008.02158.x
13. Cohen S. *States of Denial: Knowing About Atrocities and Suffering*. Cambridge: Polity Press, 2001. 173 p. DOI: 10.1177/00220345010800010301
14. Das V. *Critical Events: An Anthropological Perspective on Contemporary India*. Delhi: Oxford University Press, 1995. 201 p.
15. Das V., Kleinman A., Ramphel M., Lock M., Reynolds P. (eds). *Remaking a World: Violence, Social Suffering and Recovery*. Berkeley: University of California Press, 2001. 260 p. DOI: 10.1525/9780520924857
16. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. *Science*. 2003. No. 302 (5643). P. 290–299. Pmid: 14551436. DOI: 10.1126/science.1089134 EDN: GPBXR
17. Farmer P. *Infections and Inequalities: The Modern Plagues*. Berkeley: University of California Press, 1999. 150 p.
18. Frank A. *Wounded Storyteller: Body, Illness, and Ethics*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1997. 148 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226067360.001.0001
19. Furedi F. *Culture of Fear: Risk-Taking and the Morality of Low Expectation*. L.: Cassell, 1997. 176 p.
20. Gordon P.E. Social Suffering and the Autonomy of Art. *New German Critique*. 2021. Vol. 48 (2). P. 125–146. DOI: 10.1215/0094033x-8989288
21. Gouldner A. The Sociologist as Partisan: Sociology and the Welfare State. *The American Sociologist*. 1968. Vol. 3. P. 103–116.
22. Kleinman A. Pitch, Picture, Power: The Globalization of Local Suffering and the Transformation of Social Experience. *Ethnos*. 1995. No. 60 (3–4). P. 181–191. DOI: 10.1080/00141844.1995.9981517
23. Levinas E. Useless Suffering. *The Provocation of Levinas: Rethinking the Other*. Ed. by R. Bernasconi, D. Wood. L.: Routledge, 1988. P. 34–69.
24. Luhmann N. *Risk: A Sociological Theory*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1993. 236 p.
25. Lupton D. *Risk*. L.: Routledge, 1999. 184 p.
26. Meyer M.L., Williams K.D., Eisenberger N.I. Why Social Pain Can Live on: Different Neural Mechanisms Are Associated with Reliving Social and Physical Pain. *PLoS ONE*. 2015. No. 10 (6). P. e0128294. DOI: 10.1371/journal.pone.0128294
27. Moeller S. *Compassion Fatigue*. L.: Routledge, 1999. 390 p.
28. Morris D. *Illness and Culture in the Postmodern Age*. Berkeley: University of California Press, 1998. 193 p. DOI: 10.1525/california/9780520208698.001.0001
29. Olvera J. Symbols of Social Suffering. *The Street*. 2021. No. 6. P. 55–62. DOI: 10.36019/9781978814240-007
30. Pidgeon N., Kasperson R.E., Slovic P. *The Social Amplification of Risk*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 448 p. DOI: 10.1017/CBO9780511550461

31. Sanghera B., Satybaldieva E. Critical Discussion: Neoliberalism, Social Suffering and Resistance. *Mapping Intimacies*. 2021. No. 1. P. 257–278. DOI: 10.1007/978-3-030-76303-9_10
32. Scheper-Hughes N. Undoing: Social Suffering and the Politics of Remorse in the New South Africa. *Social Justice*. 1998. No. 25 (4). P. 114–142.
33. Schultz S.U. The adventure is not easy. The Discretionary Politics of Social Suffering and Agency in Post-Deportation Narratives in Southern Mali. *International Journal for Crime Justice and Social Democracy*. 2021. Vol. 10 (3). P. 101–114. DOI: 10.5204/ijcjsd.2044
34. Skär L., Söderberg S. The importance of ethical aspects when implementing eHealth services in healthcare: A discussion paper. *Journal of Advanced Nursing*. 2018. Vol. 74 (5). P. 1043–1050. DOI: 10.1111/jan.13493
35. Sontag S. *Regarding the Pain of Others*. L.: Hamish Hamilton, 2003. 152 p.
36. Steiner G. *Language and Silence*. L.: Faber & Faber, 1967. 199 p.
37. Sudheer N., Banerjee D. The Rohingya refugees: a conceptual framework of their psychosocial adversities, cultural idioms of distress and social suffering. *Global Mental Health*. 2021. Vol. 8. P. 130–145. DOI: 10.1017/gmh.2021.43
38. Tester K. *Compassion, Morality and the Media*. Buckingham: Open University Press, 2001. 120 p.
39. Turner B.S., Rojek C. *Society and Culture: Principles of Scarcity and Solidarity*. L.: Sage, 2001. 212 p. DOI: 10.4135/9781446220689
40. Wilkinson I. *Anxiety in a Risk Society*. L.: Routledge, 2001. 179 p. DOI: 10.4324/9780203465462
41. Wilkinson I. Social suffering and the new politics of sentimentality. *Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory*. 2021. No. 4. P. 489–500. DOI: 10.4324/9781003111399-41
42. Wilkinson I. *Suffering: A Sociological Introduction*. Cambridge: Polity, 2004. 190 p.
43. Wilkinson I. Thinking with Suffering. *Cultural Values*. 2001. Vol. 5 (4). P. 421–444. DOI: 10.1080/14797580109367242

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023; поступила после рецензирования и доработки: 23.07.2023; принята к публикации: 27.02.2024.

Received: 10.05.2023; revised after review: 23.07.2023; accepted for publication: 27.02.2024.